

БРИТАНСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ КОРПОРАЦИИ РЭНД

С.Г. Малкин

Освещена деятельность корпорации РЭНД по аналитическому обеспечению контрпартизанской борьбы США во Вьетнаме в 1960-е гг. с учетом британского колониального опыта. Особое внимание уделено изучению в корпорации РЭНД контрпартизанской борьбы в Маньчжурии в 1930-е гг., что позволяет выявить феномен искажения исторических реалий времен Интербеллума в эпоху «холодной войны».

Ключевые слова: колониальный опыт, народная война, контрпартизанская борьба, корпорация РЭНД, США, Великобритания, Малайя, Маньчжурия, Китай

The article was devoted to the activities of the RAND Corporation in analytical support of the counterinsurgency of the United States in Vietnam in the 1960s, taking into account British colonial experience. Special attention is paid to the study in the RAND corporation of the counterinsurgency in Manchuria in the 1930s, which makes it possible to identify the phenomenon of distortions of historical realities of the Interbellum in the Cold War era.

Key words: colonial experience, people's war, counterinsurgency, RAND Corporation, the USA, Great Britain, Malaya, Manchuria, China

DOI: 10.32608/1010-5557-2020-2020-191-197

Наследие европейских колониальных империй является «недостающим измерением» истории внешней политики США после Второй мировой войны. При этом основной формой этих усилий являлась проекция особенностей колониальных войн на политику Вашингтона в странах «третьего мира». Трансфер колониального опыта европейских держав был реализован в различных формах. Он осуществлялся в рамках деятельности Британской консультативной миссии в Южном

Малкин Станислав Геннадьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения. ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Вьетнаме под началом сэра Роберта Томпсона, распространялся благодаря публикациям мемуаров и военно-теоретических трудов, прежде всего, британских и французских экспертов по организации контрпартизанской борьбы. Этот процесс затронул и военные академии США, где преподавали офицеры колониальной службы, главным образом британцы, и военные академии Великобритании, где стажировались американские офицеры; различные «фабрики мысли», и, прежде всего, корпорацию РЭНД, организовавшую симпозиумы и публиковавшую многочисленные доклады по различным аспектам антиповстанчества¹.

С другой стороны, многие доклады экспертов, заказанные Пентагоном, составлялись по заданной переменной. Показательным примером является анализ британской политики в Малайе в условиях чрезвычайного положения 1948–1960 гг., подготовленный корпорацией РЭНД². Несмотря на внушительный объем (5 томов, 657 листов машинописного текста), он содержит целый ряд принципиальных допущений. Эксперт Р. Сандерлэнд использовал лишь цензурированные источники и не имел возможности перепроверить полученные сведения. В результате аналитик пришел к выводам, устраивавшим британских военных, которые и таким еще образом опосредованно формировали у американских коллег благоприятное впечатление о колониальном опыте антиповстанческих операций с точки зрения организации контрпартизанской борьбы и способствовали его применению во время войны во Вьетнаме.

В этой связи не удивительно, что наиболее последовательными апологетами практической применимости европейского колониального опыта в политике США в странах третьего мира выступали сами британцы. Дело заключалось не только в том, они в качестве консультантов привлекались к организации контрпартизанской борьбы (например, как сэр Роберт Томпсон) или в качестве информантов для составления аналитических докладов (как в случае с корпорацией РЭНД). В условиях падения веса Великобритании на международной арене после Второй мировой войны формирование и внедрение представления о ней как о государстве, обладающим уникальным знанием о странах, освобождавшихся из-под колониальной зависимости, пре-

¹ Подробнее см.: Малкин С.Г., Буранок С.О., Левин Я.А., Нестеров Д.А. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Том I. Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху Холодной войны. Самара, 2019.

² Sunderland R. Antiguerrilla Intelligence in Malaya, 1948–1960; *Idem*. Army Operations in Malaya, 1947–1960; *Idem*. Organizing Counterinsurgency in Malaya, 1947–1960; *Idem*. Resettlement and food control in Malaya; *Idem*. Winning the Hearts and Minds of the People: Malaya, 1948–1960. RAND Corp. Santa Monica, 1964.

вратилось в один из центральных элементов британской политики в отношениях с США в том, что касалось участи бывших европейских колоний.

Британские военные и дипломаты намеревались убедить американских коллег в том, что их страна – незаменимый партнер для США в бывших колониях. Это была нетривиальная попытка повлиять на политику Вашингтона в отношении как стран третьего мира, так и самой Великобритании. Вместе с тем, имея в виду противоречивые и непоследовательные попытки внедрения малайского опыта контрпартизанской борьбы в 1950-е гг. во Вьетнаме в 1960-х – первой половине 1970-х гг. (программа строительства «стратегических деревень» при президенте США Дж.Ф. Кеннеди, вьетнамизация конфликта и расширение специальных операций и военного присутствия как условие вывода войск из Вьетнама при президенте США Р. Никсоне), можно предположить, что руководство Соединенных Штатов, в свою очередь, использовало этот внешнеполитический расчет британцев в своих интересах, в том числе и на риторическом уровне – главным образом в пропагандистских целях (речь шла об оправдании политики во Вьетнаме ссылками на авторитетное мнение британских экспертов).

Одновременно с этим в качестве самостоятельной темы экспертных дискуссий в США в это время предстает маоистская модель народной войны, интерес к которой так же был обусловлен, прежде всего, Вьетнамской войной. В Пентагоне «китайский» случай как образец революционной войны стали воспринимать после победы коммунистов в гражданской войне в Китае в 1949 г., когда борьба европейских колониальных держав с повстанческими движениями в Юго-Восточной Азии под руководством местных коммунистов обнаружила эталонный, как считали многие аналитики, характер китайской модели народной войны³. При этом эксперты, включая сотрудников корпорации РЭНД, осмысливали этот «ренессанс герильи» в ядерный век в контексте глобального противостояния сверхдержав эпохи «холодной войны»⁴.

В этом смысле ключевым докладом по проблеме, подготовленным этой корпорацией, и единственным непосредственно посвященным анализу партизанской войны в Китае в 1930-е гг. стала аналитическая работа доктора политических наук Чонга-Сик Ли «Антиповстанчество в Маньчжурии: японский опыт, 1931–1940», выполненная по контракту

³ Некоторые представители зарубежного экспертного сообщества склонны полагать, что эта модель партизанской войны актуальна и для современных повстанческих движений, включая многие террористические организации. См.: *Marks T.A., Rich P.B. Back to the Future – People's War in the 21st Century // Small Wars & Insurgencies. 2017. Vol. 28. No. 3. P. 409–425.*

⁴ *Reinhardt G.C. Guerilla-Combat, Strategy and Deterrence in Southeast Asia. RAND Corp. Santa Monica, 1964.*

с Пентагоном и представленная в январе 1967 г.⁵ Исследование было подготовлено в рамках более масштабного и длительного проекта РЭНД по изучению исторических прецедентов антиповстанчества на предмет выявления универсальных «уроков истории», которые вооруженные силы США могут применить во Вьетнаме⁶. Именно поэтому меморандум Ли среди других докладов корпорации РЭНД, подготовленных в 1960-е гг., вызывает особый интерес. Он является одновременно типичным для своей группы и уникальным с точки зрения выбранной темы, хотя опосредованно авторы практически всех работ, связанных с проблематикой контрпартизанской борьбы во Вьетнаме, затрагивали маоистскую модель народной войны.

В этой связи не удивительно, что меморандум больше говорит не о японской политике в Маньчжурии в 1930-е гг., а об актуальной политике США во Вьетнаме в 1960-е гг. обстоятельный разбор японской политики массовой организации «коллективных» или «оборонительных» поселений представлял собой, по сути, завуалированную критику политики США по организации «стратегических деревень» во Вьетнаме. Этот сюжет недвусмысленно отсылал потенциальных читателей и заказчика аналитической продукции к аналогичному британскому опыту в Малайе в 1950-е гг. в связи с повстанческой активностью коммунистов из числа этнических китайцев, опиравшихся на местную китайскую общину. Прежде всего это касалось физического разделения инсургентов и гражданского населения, а также ограничения доступа повстанцев к продуктам питания и (в теории чаще, чем на практике) повышения экономической эффективности домохозяйств в организованных колониальными властями новых укрепленных поселениях.

Интригующим остается вопрос о том, являлись ли (и если да, то до какой степени) «новые деревни» в Малайе во время режима чрезвычайного положения в 1950-е гг. осознанным заимствованием япон-

⁵ Автор меморандума вырос в Корее и Китае (в том числе в Маньчжурии), но в профессиональном плане состоялся в США, изучая проблематику антиповстанческой деятельности в Дартмуте, Принстоне и Беркли, ученую степень получил в Калифорнийском университете: *Lee C.-S. Counterinsurgency in Manchuria: The Japanese Experience, 1931–1940. RAND Corp. Santa Monica, 1967. P. iv, xi.*

⁶ Тематическая широта меморандумов и симпозиумов простиралась от специальных операций союзников в Бирме против японцев во время Второй мировой войны до антиповстанческих мер в британских и французских колониях после 1945 г.: *Counterinsurgency: asyposium, April 16–20, 1962. RAND Corp. Santa Monica, 1962; Symposium in the Role of Airpower in Counterinsurgency and Unconventional Warfare: Chindit operations in Burma. RAND Corp. Santa Monica, 1963; Galula D. Pacification in Algeria, 1956–1968. RAND Corp. Santa Monica, 1963; Sunderland R. Organizing Counterinsurgency in Malaya...; Peterson A.H. The Role of Airpower in Providing Tactical Mobility in Past COIN Operations. RAND Corp. Santa Monica, 1964.*

ского опыта «коллективных/оборонительных поселений» в Маньчжурии в 1930–1940-е гг. — особенно если допустить весьма вероятное обращение японцев к более раннему британскому колониальному опыту по учреждению в Индии института политических офицеров в XIX в. (прежде всего, для работы в Северо-Западной пограничной провинции и полосе независимых племен на беспокойной границе с Афганистаном). В меморандуме Ли речь идет о деятельности японских «политических офицеров» в Маньчжурии⁷. Если это предположение не лишено оснований, то, следовательно, опиравшаяся на малайский опыт практика возведения «стратегических деревень» в Южном Вьетнаме вполне возможно являлась опосредованной рецепцией японского опыта в Маньчжурии (помимо его целенаправленного анализа в одном из меморандумов РЭНД).

Кроме того, параллели с британским опытом в Малайе без труда угадываются в заметном внимании автора меморандума к определенной этнической политике в государстве Маньчжоу-го (попытки японцев опереться в Маньчжурии на лояльное корейское меньшинство в 1930-е гг. были созвучны мерам британской колониальной администрации по расширению поддержки малайского большинства в 1950-е гг.), формированию и обучению отрядов самообороны «коллективных поселений» (как и в случае с «новыми деревнями» в Малайе и «стратегическими деревнями» во Вьетнаме), а также к выделению этапов организации контрпартизанской борьбы в Маньчжурии (отражавших, как и в Малайе, эволюцию военного мышления в части выбора приоритетов антиповстанческой деятельности).

В целом Ли не мог не учитывать малайский опыт, который в 1960-е гг. определял интеллектуальный климат в отделах корпорации РЭНД, изучавших проблемы антиповстанческой деятельности. Как заметил штатный аналитик РЭНД Р. Сандерлэнд, автор целой серии уже упомянутых меморандумов об организации контрпартизанской борьбы в британской Малайе, восстание в этой колонии было организовано «по модели китайских коммунистов»⁸.

В этой связи и в меморандуме, и в рапортах японских офицеров в приложении к нему содержится общая рекомендация: в Маньчжурии необходимо учредить должность, которая по своим функциям совмещала бы военную и гражданскую власть, аналогичную должности Верховного комиссара Малайи, подразумевая наиболее близкий американским экспертам в 1960-е гг. пример⁹. Главный урок, по мнению

⁷ См. напр.: *Lee C.-S. Op. cit.* P. 231–238; 243–258.

⁸ *Sunderland R. Organizing Counterinsurgency in Malaya...* P. 1.

⁹ Эксперты РЭНД в это время часто говорили о роли такого «ответственного командира» в обеспечении единства управления и оптимизации антиповстанческих мер: «Необхо-

автора меморандума, заключается в том, что военные операции и умиротворение должны идти рука об руку. И в этом смысле «специальные операции» японцев в Маньчжурии в 1930-е гг., по мнению Ли, служат хорошим примером. Фактически речь шла о различных антиповстанческих мерах, предполагавших реализацию как плана-минимума — сокращение поддержки повстанцев среди местного населения, так и плана-максимума — завоевание массовой поддержки с его стороны, которая, однако, как указывал Ли, возможна только в ограниченных масштабах¹⁰.

Общий вывод относительно реакции японских военных на повстанческую активность в Маньчжурии вполне разделяли — только применительно к поведению американских военных уже во Вьетнаме — практически все аналитики корпорации РЭНД вне зависимости от того, какую стратегическую линию контрпартизанской борьбы они считали наиболее действенной. Руководство Квантунской армии, как отмечается в меморандуме, не сразу осознало (к 1936 г., когда коммунисты уже, очевидно, доминировали в антияпонском партизанском движении в Маньчжурии), что герилья это другой, особый тип войны, а не продолжение конвенционального конфликта, хотя и в весьма специфической форме. Утверждалось: «Те, кто находился в руководстве Маньчжоу-го и руководители японской армии [в Маньчжурии] все еще были заняты решением проблемы уничтожения партизан скорее, чем [решением] долгосрочной проблемы завоевания активной поддержки масс»¹¹.

Таким образом, в целом японский опыт организации контрпартизанской борьбы в Маньчжурии в 1930-е гг. в Пентагоне в 1960-е гг. воспринимали двояко. С одной стороны, именно в нем усматривали истоки той формы революционной войны, с которой пришлось иметь дело во Вьетнаме и других странах «третьего мира». С другой стороны, недавняя история Китая предлагала, как казалось аналитикам РЭНД, пример успешной антиповстанческой деятельности Вооруженных сил Маньчжоу-го и японской Квантунской армии в Маньчжурии в 1930-е гг.

димось единой американской военно-политико-экономической стратегии разительно контрастирует с нашим традиционным ведением «малых войн». См.: *Reinhardt G. C.* Op. cit. P. 8.

¹⁰ *Lee C.-S.* Op. cit. P. vii, 12–13, 21–24. Автор меморандума, как и многие аналитики РЭНД, колебался между различными стратегиями завоевания народной поддержки. В другом докладе этой «фабрики мысли» также отмечалось, что центральная роль в победе над повстанцами принадлежит народной поддержке, и, следовательно, социально-экономические мероприятия имеют большое значение. Вместе с тем в этой же работе обращалось внимание на то, что это не единственный фактор победы. См.: *Wolf C.* *Insurgency and Counterinsurgency: New Myths and Old Realities.* RAND Corp. Santa Monica, 1965.

¹¹ *Lee C.-S.* Op. cit. P. 53.

«Китайский» случай в межвоенный период давал, как полагали эксперты на этом этапе «холодной войны», развернутые ответы сразу на два основных вопроса стратегии и тактики борьбы с повстанческими движениями в различных странах третьего мира: как о самом противнике, так и о том, каким образом его одолеть. Иными словами, необходимо было решить «две основные задачи: [преодолеть] сопротивление организованных вооруженных групп и [обеспечить] умиротворение враждебного населения»¹².

При этом принципиально важный побудительный мотив для перехода той или иной политически мотивированной группы к китайской модели народной войны, т.е. лишенное легитимности в глазах местного населения иностранное военное-политическое присутствие, аналитики РЭНД часто выводили за скобки, преувеличивая, а часто ошибочно усматривая роль пресловутой «руки Москвы» (или Пекина) в этом процессе. Кроме того, заказчик аналитической продукции корпорации РЭНД, которым являлось Министерство обороны США, рассчитывал получить от этой «фабрики мысли» практические рекомендации по решению поставленных Вашингтоном задач, а не развернутую критику внешнеполитического курса Соединенных Штатов в отношении стран третьего мира. Такое методологическое самоограничение, обусловленное спецификой контрактных отношений, в свою очередь, не только снижало критическую ценность меморандумов, посвященных теории и практике антиповстанческой деятельности, но и облегчало проникновение ключевых для американской общественно-политической жизни 1960-х гг. мифологем о китайской модели народной войны в исследование экспертов корпорации РЭНД.

Следовательно, обращение к особенностям аналитического сопровождения политики США в Юго-Восточной Азии с целью организации контрпартизанской борьбы в условиях народной войны по китайской модели, предполагавшего использование как практического, так и символического экспертного знания ушедших в прошлое колониальных империй, позволяет выявить зазор не только между экспертизой внешнеполитических решений и принятой бюрократической логикой, но и между принятой «фабриками мысли» методологией моделирования асимметричных конфликтов и внутренней логикой исторического контекста изучаемых в ее рамках примеров организации контрпартизанской борьбы.

¹² Ibid. P. v.